

Л.С. Катышева

Поэтика сокровенного в творчестве А.П. Платонова 1920-х годов

В статье раскрывается понятие *сокровенность* в творчестве А.П. Платонова, рассматривается его роль в характеристике центральных героев. Его истоки автор статьи находит в библейском тексте, специфически преломленном в философских исканиях нового времени, и приходит к выводу, что «сокровенные» платоновские герои — носители высшего знания, связанного с идеей преображения мира. *Сокровенность* выражает внутреннее «я» самого писателя, которого волновала проблема онтологического несовершенства.

The paper exposes the concept of *intimacy* in the writings of Andrey Platonov and dwells upon its contribution to the main characters' sketches. The author of the paper finds its origins in the biblical text specifically refracted in the philosophical pursuits of the new time and concludes that the Platonov's «intimate» characters are carriers of ultimate knowledge connected with the idea of transformation of the world. The concept of *intimacy* expresses the inner self of the very writer who was concerned by the problem of ontological imperfection.

Ключевые слова: Андрей Платонов; поэтика; сокровенный; преображение мира.

Keywords: Andrey Platonov; poetics; intimate; transformation of the world.

Одним из наиболее значимых библейских слов, нашедших отражение в творчестве А.П. Платонова, является *сокровенность*. Оно используется как в раннем творчестве писателя, так и в произведениях более позднего периода и уже привлекало внимание отечественных и западных платоноведов [5–11], однако до сих пор не подвергалось обстоятельному анализу применительно к раннему творчеству писателя. Цель настоящей статьи — проанализировать наполнение данного понятия в творчестве Платонова, проследить эволюцию его смыслов от ранних стихов и рассказов к повести «Сокровенный человек» (здесь и далее курсив мой. — Л.К.).

Функционирующее в художественном мире автора слово *сокровенность* имеет библейское происхождение: «Да будет украшением вашим... сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» [1 Петр 3: 3–4]. Встречающееся в Первом послании апостола Петра определение «сокровенный» означает «скрытый», «тайный» и, одновременно, «принадлежащий к Царствию Небесному», «осенённый высшим духовным знанием» [7: с. 214].

Символический смысл этого слова раскрывается в последующем рассмотрении образов платоновских героев. Так, в стихотворении «Сказка» (1921) появляется маленький герой «с ранней думой сокровенной» [2: с. 474]. Платонов сделал акцент на его внутреннем мире:

Мальчик с думой обручится,
Всё узнает и поймёт.
Богатырь с царевной снится,
Волга вечером поёт...
И ушёл на лодках рано
У земли искать конца...
А царевну в море кинул —
Без неё в душе светло. [2: с. 475].

Герой показан странником, наделённым чертами «нового бога», способным преобразовать мир. В его образе выражена идея целомудрия, истоки которой находим в фундаментальном труде Н. Федорова «Философия общего дела», где автор, размышляя о путях преодоления смерти, рассматривал целомудрие как один из способов достижения бессмертия [6].

Стихотворение «Сказка» идеологически близко раннему рассказу «Поэма мысли» <1920–1921>, в котором писатель ставит проблему вселенского несовершенства: «<...> есть тайная, сокровенная мысль, есть в нас глубокий колодезь. Мы там видим, что и эта жизнь, этот мир мог бы быть иным — лучшим и чудесным, чем есть <...> Вселенная могла бы быть иной, и человек мог бы поворотить её на лучшую дорогу <...> Всё могло бы быть иным, лучшим и высшим <...>» [2: с. 278]. Платонов говорит о спасении мира, о счастливом будущем: «Почему же не может спастись мир, то есть перейти на иную дорогу; почему он так волнуется, изменяется, но стоит на месте? Потому что не может прийти к нему спаситель и, когда приходит, если придёт, не сможет жить в этом мире, чтобы спасти его» [2: с. 278]. «Сокровенная мысль» является своеобразным ключом к пониманию высказанной в авторском повествовании идеи «нового бога» — человека. Именно он, согласно платоновской мысли, способен спасти человечество от несовершенства мира. На подобную позицию писателя оказали влияние обстановка эпохи рубежа веков, отмеченная тенденциями богоборчества и богоискательства, а также воззрения Пролеткульта.

Как и в стихотворении «Сказка», в рассказе «Сатана мысли» <1921> действует герой-преобразователь, проповедующий «идею переделки земного шара», создания «дома человечеству» — некоего рая на земле. Инженер Вогулов подходит к этому вопросу «как рабочий», решив «пересотворить вселенную ультрасветом»: «<...> природа, сокровенность света, инфраполя и всех переходных форм — одна и та же» [2: с. 308]. Герой воплощает в себе «сознание — твёрже и упорнее материи, — которое одно способно взорвать вселенную в хаос и из хаоса сотворить иную вселенную — без звёзд и солнц, — одно ликующее, ослепительное, всемогущее сознание, освобождающее все формы и строящее лучшие земли, если хочет того, если радостно ему это творчество» [2: с. 307]. В Вогулове художественно выражены черты «нового бога», творящего совершенный мир посредством труда. Обращают на себя внимание богоискательские мотивы: «<...> надо иметь руки беспощаднее и тверже кулаков того дикого творца, который когда-то, играя, сделал звёзды и пространства <...>. Чтобы земное человечество в силах было

восстать на мир и на миры и победить их — ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе плавающее теплокровное, божественное сердце» [2: с. 307]. Так писатель иллюстрирует «новую религию» пролетариата.

Примечательно, что герой рассказа носит в себе идею бессмертия, потому что пережил личную трагедию — гибель любимой девушки. Конечной целью переустройства мира для него является победа над смертью: «<...> любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, — душа другого человека. И Вогулов размечет вселенную... с болью о невозвратимом и утраченном, чем дышит человек и что нужно ему не через несметные времена, а сейчас. И Вогулов руками хотел сделать это невозможное сейчас» [2: с. 311]. Герой одержим мечтой сделать невозможное возможным, т. е. преодолеть смерть, создать новый мир без страданий.

Понятие *сокровенность* художественно осмысливается и в более позднем творчестве Платонова. Так, например, в одноименной повести 1927 года заявляет о себе «тип героя — “сокровенный человек”, который отличается беспокойством о “всеобщей судьбе”, правдоискательством, способностью сохранить в себе человеческую душу, надеждой на воскрешение умерших» [6: с. 163]. Сознание Фомы Пухова занимает мысль о «порочной дурости в людях» и «невнимательности к такому единственному занятию, как жизнь и вся природная обстановка» [3: с. 199]. Герой стремится обрести «природную» истину, разрешить глубинные онтологические противоречия, найти пути к созданию идеального, гармоничного мироустройства для счастливого будущего всех людей. В его образе своеобразно интерпретированы черты «нового бога».

«Сокровенность» героя выявляется при обращении к поэтике Платонова, к «низшим уровням текста» [12: с. 227], что позволяет наиболее полно понять авторскую мысль. В рассматриваемом произведении окружающий мир показан через призму восприятия Фомой Пуховым. Явления действительности, свидетелем которых он становится, получают глубокое личностное выражение. В этом отношении характерен финальный эпизод, в котором Пухов наблюдает своеобразное «единение» между революционным и естественным, «природным» началами: «Нечаянное *сочувствие* к людям, одиноко работавшим против вещества всего мира, прояснялось в заросшей жизнью *душе* Пухова. <...> Он даже остановился, опустив глаза, — нечаянное в *душе* возвратилось к нему. <...> *Душевная* чужбина оставила Пухова на том месте, где он стоял, и он узнал *теплоту* родины, будто вернулся к *детской матери* от ненужной жены. Он тронулся <...> легко преодолевая *опустевшее счастливое тело*. Пухов сам не знал — не то он *таял*, не то *рождался*» [3: с. 235]. Писатель передаёт душевное состояние своего героя, его переживания и радости, что отражает взгляды самого художника на революционные события. Характерно, что каждый день мыслится для Пухова «*сотворением мира*». Он целомудрен, что, по мнению автора, является важнейшей чертой героя-преобразователя, стремящегося к достижению бессмертия [6: с. 149].

Герою Платонова свойственно самоотречение. Жизненный путь Фомы Пухова направлен на благоустройство жизни других людей: он не заботится о личных потребностях, «не гонится за материальным и социальным благополучием», ибо обладает высшим знанием [7: с. 214]. Пухов противостоит «опасности расчеловечения людей», главной его заботой является «сохранение души, лишившись которой человек превращается в “ветхое животное”» [6: с. 163]. Его волнуют онтологические проблемы, пути их решения.

Имя героя имеет символический подтекст и отсылает к библейскому образу Фомы Неверующего: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» [Ин 20: 25]. Герой повести — сомневающийся, ищущий, всё подвергающий «сомнению и критическому рассмотрению» [9: с. 31]: «<...> вы делаете не вещь, а отношение! — говорил Пухов, смутно припоминая плакаты, где говорилось, что капитал не вещь, а отношение; отношение же Пухов понимал как ничто» [3: с. 199].

Центральный персонаж повести «Сокровенный человек» не имеет мирских привязанностей. Данная черта напоминает о проповеди Иисуса Христа: «...всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» [Мф 19: 29]. Фома Пухов тяготеет к «странствиям и духовным испытаниям» [7: с. 214]. Автор изображает героя, онтологически связанного с природой. Переживая дисгармоничность людского мира, он находит успокоение в природе: «Пухов шёл, плотно ступая подошвами. <...> Это даровое удовольствие, знакомое всем странникам, Пухов тоже ощущал не в первый раз. Поэтому движение по земле всегда доставляло ему телесную прелесть...» [3: с. 199].

Тема странничества также приобретает у Платонова символическое звучание, ибо оно «осознаётся в платоновском мире как собирание пространства в душу человека и сохранение времени» [6: с. 163]. Герой предстаёт путником, «взыскующим истины, Града Невидимого» [7: с. 214]. Важнейшая религиозная идея служения Господу подменяется у писателя служением высшей идее — созданию идеального гармоничного мироустройства для всего человечества, и поэтому герой как «движущая сила истории» вмещивается во враждебную ему, «недостойную» жизнь [12: с. 312]. Пухов стремится неустроенное земное существование изменить к лучшему. В повести «Сокровенный человек» заявляет о себе «конфликт экзистенциального и социального, подавляющего человека как экзистенцию, и столкновение экзистенциального человека с социальной личностью в одной судьбе...» [4: с. 198]. Осознавая своё родство с природой, герой стремится к преодолению враждебности между природным и социальным существованием.

Важное место в повести занимает мотив бессмертия, восходящий к Библии (ср.: «...что вы ищете живого между мёртвыми? Его нет здесь: Он воскрес...» [Лк 24: 5–6]). Пухов впервые обретает истину в Баку, наблюдая «единение» революции и рабочих на буровой. Он испытывает глубокое внутреннее

удовлетворение, которое можно отождествить с духовным преображением: «Во второй раз — после молодости — Пухов снова увидел роскошь жизни и неистовство смелой природы, невероятной в тишине и в действии. <...> Он постепенно догадывался о самом важном и мучительном. <...> Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение» [3: с. 235]. Пухов преодолевает своё главное сомнение, как евангельский персонаж: «...Господь мой и Бог мой!» [Ин 20: 28]. Герой обретает братский союз с людьми труда: «Пухов шёл с удовольствием, чувствуя, как и давно, родственность всех тел к своему телу. <...> Газ двигателя Пухов вобрал в себя, как благоухание, чувствуя свою жизнь во всю глубину — до *сокровенного* пульса» [3: с. 235]. Внимание автора сосредоточено на движениях души героя.

Таким образом, в раннем творчестве А.П. Платонова и в повести «Сокровенный человек» библейское слово *сокровенность* приобретает философский смысл, в процессе эволюции наполняясь дополнительными значениями. Действующий в раннем творчестве герой-преобразователь, носитель «сокровенной думы», «сокровенной мысли» к 1927 году вырастает в новый тип героя — «сокровенного человека». Этот и подобные платоновские герои подспудно носят в себе высшее знание, связанное с идеей бессмертия и преображения мира. Осознанно или неосознанно, они стремятся к идеалу, поэтому в их образах художественно выражены черты «нового бога». Так через библейское понятие Платонов стремился донести до читателя собственные размышления о человеке и мироздании, о ценности каждой личности.

Библиографический список

Источники

1. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Сибирская Благовонница, 2006. 560 с.
2. Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М.: Время, 2009. 656 с.
3. Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Время, 2009. 560 с.

Литература

4. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002. 304 с.
5. Краснощёкова Е.А. О поэтике Андрея Платонова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 38. №. 1. М., 1979. С. 42–51.
6. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: Поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 334 с.
7. Матвеева И.И. Библейский текст и эсхатологические мотивы в творчестве А. Платонова 1920–1930-х годов // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. С. 212–217.
8. Матвеева И.И. Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 27–35.

9. Никонова Т.А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 220 с.
10. Семенова С.Г. «Тайное тайных» Андрея Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М.: Совр. писатель, 1994. С. 122–153.
11. Спиридонова И.А. О природе «сокровенного» в творчестве А. Платонова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2005. С. 513–524.
12. Толстая Е.Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. М.: РГГУ, 2002. 511 с.

References

Istochniki

1. Novy'j Zavet Gospoda nashego Iisusa Xrista. M.: Sibirskaya Blagozvonnicza, 2006. 560 s.
2. Platonov A.P. Usomnivshijsya Makar: Rasskazy' 1920-x godov; Stixotvoreniya. M.: Vremya, 2009. 656 s.
3. Platonov A.P. E'firny'j trakt: Povesti 1920-x – nachala 1930-x godov. M.: Vremya, 2009. 560 s.

Literatura

4. Zamanskaya V.V. E'kzistencial'naya tradiciya v russkoj literature XX veka. Dialogi na granicax stoletij. M.: Flinta; Nauka, 2002. 304 s.
5. Krasnoshhyokova E.A. O poe'tike Andreya Platonova // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury' i yazy'ka. T. 38. №. 1. M., 1979. S. 42–51.
6. Maly'gina N.M. Andrej Platonov: Poe'tika «vozvrashheniya». M.: TEIS, 2005. 334 s.
7. Matveeva I.I. Biblejskij tekst i e'sxatologicheskie motivy' v tvorchestve A. Platonova 1920–1930-x godov // Duxovno-nravstvenny'e osnovy' russkoj literatury'. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. S. 212–217.
8. Matveeva I.I. Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 27–35.
9. Nikonova T.A. Andrej Platonov v dialoge s mirom i social'noj real'nost'yu. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2011. 220 s.
10. Semenova S.G. «Tajnoe tajny'x» Andrey Platonova // Andrej Platonov. Mir tvorcestva. M.: Sovr. pisatel', 1994. S. 122–153.
11. Spiridonova I.A. O prirode «sokrovennogo» v tvorchestve A. Platonova // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov. Vy'p. 4. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. un-ta, 2005. S. 513–524.
12. Tolstaya E.D. Mirposlekoncza: Raboty' o russkoj literature XX veka. M.: RGGU, 2002. 511 s.